
УДК 81'42

ББК 81.1

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/32-39>

ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ КОНСТРУКЦИЙ *ПО СУТИ* И *ПО СУЩЕСТВУ* В УСТНОЙ РЕЧИ И КОМПЬЮТЕРНО- ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ

К. М. Шилихина

Воронежский государственный университет

В. В. Смирнова

Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

DISCURSIVE FUNCTIONS OF THE RUSSIAN CONSTRUCTIONS *PO SUTI* AND *PO SUSHCHESTVU* IN SPOKEN AND COMPUTER-MEDIATED DISCOURSE

K. M. Shilikhina

Voronezh State University

V. V. Smirnova

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Аннотация: в статье рассматриваются русские вводные конструкции «по сути» и «по существу». Имеющиеся исследования этих языковых единиц сосредоточены преимущественно на их функционировании в письменных текстах, а словари описывают эти конструкции как синонимичные; их дефиниции ограничиваются указанием на их эпистемическую функцию. Цель данного исследования – описать семантические и прагматические характеристики контекстов, в которых «по сути» и «по существу» функционируют в устной и компьютерно-опосредованной коммуникации. Исследование проводится на материале устного подкорпуса НКРЯ и ГИКРЯ. Исходная семантика конструкций «по сути» и «по существу» определяет их использование в функции дискурсивных маркеров: в большинстве контекстов они употребляются как конструкции, общая прагматическая функция которых заключается в указании на достоверность сообщаемой информации. Анализ двух конкордансов позволяет говорить о том, что существуют и другие варианты их употребления, связанные не столько с эпистемической оценкой, сколько с потребностью говорящего маркировать способ номинации объекта или явления (это так называемое метаязыковое употребление). И в устной, и в компьютерно-опосредованной коммуникации маркер «по сути» используется в контекстах-объяснениях, где говорящий перефразирует собственную мысль, делая ее более понятной для адресата. Другой распространенный случай – использование обеих конструкций в контекстах-дефинициях. Также конструкции «по сути» и «по существу» используются в тех случаях, когда говорящие или пишущие указывают на то, что выбранный способ номинации является оптимальным в данной ситуации, поскольку позволяет указать на некоторое важное свойство объекта или явления. Наконец, в устной речи встречаются контексты, где использование маркера «по сути» может не быть связанным с указанием на достоверность сообщаемой информации. Это контексты, в которых «по сути» используется как хезитатив. Таким образом, корпусный анализ позволяет говорить о развитии дискурсивных значений у данных конструкций в сторону метаязыкового употребления.

Ключевые слова: языковой корпус, дискурсивный маркер, достоверность, эпистемическая оценка, метаязыковое употребление.

© Шилихина К. М., Смирнова В. В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Abstract: the article examines the functioning of Russian parenthetical constructions “*po suti*” and “*po sushchestvu*” (essentially / in effect). The available research on these constructions focuses mainly on the functioning of these linguistic units in written texts. The purpose of this study is to describe the semantic and pragmatic properties of contexts in which “*po suti*” and “*po sushchestvu*” function in oral and computer-mediated communication. The study is based on the data of the oral subcorpus of the Russian National Corpus and the General Internet Corpus of Russian. The semantics of the constructions “*po suti*” and “*po sushchestvu*” determines their functioning as discursive units: in most contexts they are used as discursive markers, the general pragmatic function of which is to indicate the reliability of the information being reported. The analysis of the two concordances suggests that there are other variants of their use, related not so much to epistemic evaluation, as to the speaker’s need to mark the way of nominating an object or phenomenon (this is the so-called metalanguage usage). In both oral and computer-mediated communication, the marker “*po suti*” is used in explanatory contexts, where the speakers paraphrase their idea, making it more understandable to the addressee. Another common case is the use of both constructions in definitions. Also, the constructions “*po suti*” and “*po sushchestvu*” are used in contexts when speakers or writers indicate the optimal choice for naming the object. Finally, there are contexts in oral speech where the use of the marker “*po suti*” may not be associated with any indication of the reliability of the information. These are contexts in which “*po suti*” is used as a hesitative. Thus, corpus analysis allows us to conclude that the two constructions develop new pragmatic functions and can now be use as metalinguistic discourse markers.

Key words: language corpus, discursive marker, reliability, epistemic evaluation, metalinguistic usage.

Введение

В последние десятилетия дискурсивные единицы стали объектом активного изучения в лингвистике [1–5]. Интерес лингвистов к этим языковым средствам связан с многообразием функций, которые они выполняют в процессе коммуникации: в частности, дискурсивные маркеры играют важную роль в структурировании информационного потока и регулируют процесс понимания сказанного. Ср. мнение авторов «Путеводителя по дискурсивным словам русского языка»: дискурсивные маркеры «с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего» [1, с. 7]. Кроме того, изучение дискурсивных средств в исторической перспективе дает лингвистам возможность исследовать процессы грамматикализации и прагматикализации языковых единиц [5].

В данной статье проводится анализ семантики и синтаксического поведения двух русских вводных конструкций: *po suti* и *po sushchestvu*. Рассматриваемые выражения, используя в функции дискурсивных маркеров, указывают на достоверность сообщаемой информации и входят в класс показателей

эпистемической оценки, в который также входят такие конструкции, как *na samom dele*, *po faktu* и др. Как будет показано ниже, маркирование достоверности сообщаемой информации – не единственная функция данных конструкций. Их употребление также характерно для определенных ситуаций, связанных с потребностью в категоризации объекта или явления, о которых идет речь, например, для ситуации объяснения или подбора оптимального способа номинации.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили контексты, извлеченные из устного подкорпуса НКРЯ [6] и Генерального интернет-корпуса русского языка (далее ГИКРЯ) [7]. Поскольку указанные корпуса значительно отличаются объемом, сопоставление велось в относительных величинах. Информация об относительной частоте употребления каждой конструкции приведена в таблице.

Сразу обращают на себя внимание различия в частоте употребления двух конструкций: в устной речи *po suti* и *po sushchestvu* используются чаще, чем в письменной. Конструкция *po sushchestvu* использу-

Т а б л и ц а

Абсолютная и относительная частота употребления конструкций *po suti* и *po sushchestvu* в устном подкорпусе НКРЯ и ГИКРЯ

	Относительная частота конструкции <i>po suti</i>	Относительная частота конструкции <i>po sushchestvu</i>
Устный подкорпус НКРЯ	51,9 вхождений на 1 млн словоупотреблений	26 вхождений на 1 млн словоупотреблений
ГИКРЯ	21,8 вхождений на 1 млн словоупотреблений	3,7 вхождений на 1 млн словоупотреблений

ется реже, чем *по сути*, и в устной, и в письменной речи, что может объясняться, с одной стороны, действием принципа экономии, с другой стороны, особенностями семантики самой конструкции.

В работе использовались методы корпусного анализа, контекстного анализа, подстановки, синтаксического анализа.

Оценка достоверности высказывания

Наше описание конструкций *по сути* и *по существу* необходимо начать с краткого обзора категории достоверности и способов ее выражения в языке. В лингвистических исследованиях достоверность давно привлекает внимание исследователей (см. обзор публикаций, посвященных данной категории, в [8]). Е. И. Беляева выделяет особый тип модальности – модальность достоверности [9; 10]. Ряд исследователей предлагают использовать термин «эпистемическая модальность» и причисляют эпистемическую оценку к базовым значениям, которые наиболее часто выражаются в процессе коммуникации [11]. Ср. мнение В. А. Плуноя: «Эпистемическая оценка имеет отношение к сфере истинности; это оценка степени правдоподобности (или степени вероятности) данной ситуации со стороны говорящего» [12, с. 426].

В. А. Плуноя указывает на важность оценочных значений такого типа: «Присутствие “оценочных” значений в модальной зоне отражает тот факт, что модальность является одним из основных “эгоцентрических” механизмов естественных языков: модальные компоненты позволяют не просто описывать мир “как он есть”, но представлять “субъективный” образ мира – т. е. мир, пропущенный через призму сознания и восприятия говорящего» [12, с. 244–245]. Н. Д. Арутюнова отмечает, что «оценка может относиться не только к предметам (точнее, свойствам

предметов). Оцениваются также действия, процессы, состояния, ситуации, положения дел, факты и возможности» [13, с. 7].

По мнению Е. И. Беляевой, модальность достоверности обладает двумя существенными характеристиками. Во-первых, она относится к субъективным значениям, поскольку оценка достоверности всегда является результатом индивидуального умозаключения. Во-вторых, этот тип модального значения всегда выражается «элементами, находящимися в синтаксической изоляции (модальные слова, частицы, модальные фразы)» [9, с. 127]. Кроме того, Е. И. Беляева утверждает, что модальность достоверности характеризует высказывание целиком. Однако проведенный в работе [14] анализ позволяет подвергнуть эту точку зрения сомнению: сферой действия маркеров достоверности может быть не все высказывание, а только часть пропозиции. Заметим, что сфера действия исследуемых конструкций тоже может быть разной в зависимости от их синтаксической позиции, что будет продемонстрировано ниже.

Модальность достоверности высказывания можно представить в виде координатной плоскости, на которой горизонтальная ось отражает субъективное мнение / состояние говорящего (т. е. его уверенность или неуверенность в достоверности сообщаемой информации), а вертикальная ось показывает объективное отношение высказывания к действительности (рисунок). Таким образом, говорящий может быть уверен как в достоверности, так и в недостоверности сообщаемого, либо он может выражать неуверенность как в достоверности, так и в недостоверности высказывания.

Конструкции, которые рассматриваются в данной работе, относятся к правому верхнему квадранту рисунка, поскольку их исходная семантика связана с фактом существования/несуществования некоторых

Рисунок. Модальность достоверности

объектов, явлений или действий в реальном мире, и говорящий маркирует собственную уверенность в этом. Приведем несколько примеров:

Ну/ и/ по существу/ модель прогнозировать мы и не старались/ а мы постарались построить модель как инструмент поддержки принятия решений [НКРЯ]¹.

Вернее/ не то/ что слуха нет/ а есть кхм ну нет слуха/ по сути дела/ нету слуха [НКРЯ].

По существу, матч был проигран в первые минуты [ГИКРЯ].

Я вас, по сути, и не звала [ГИКРЯ].

Опираясь на данные различных словарей, кратко охарактеризуем семантику конструкций *по сути* и *по существу*.

Поскольку исходная семантика конструкции *по существу* связана с указанием на наличие некоторого объекта или явления в действительности, а семантика конструкции *по сути* – с указанием на самые важные, главные и существенные свойства объекта или явления, неудивительно, что в процессе прагматизации эти конструкции стали функционировать как показатели достоверности сообщаемой информации, т. е. маркировать эпистемическую оценку. С помощью этих конструкций говорящие/пишущие реализуют потребность указать на то, что их знания об объекте или явлении соответствуют некоторому положению дел в реальном мире. Далее посмотрим, как данные конструкции описываются в толковых словарях русского языка.

В Современном толковом словаре под ред. Т. Ф. Ефремовой [15] конструкция *по существу* описывается следующим образом:

По существу нареч. качеств.-обстоят. 1. На самом деле; в действительности. *отт. перен.* Касаясь самого главного, существенного. 2. Употребляется как вводное словосочетание, указывающее на достоверность факта и соответствующее по значению слова: фактически, в действительности, по сути.

Абсолютно так же выглядит и словарная статья для конструкции *по сути* [15], т. е. и *по сути*, и *по существу* описываются как маркеры достоверности высказывания, однако в каких случаях они могут употребляться, в словарных статьях не сказано.

В «Словаре-справочнике по пунктуации» конструкции *по сути* и *по существу* описываются и как вводные выражения, и как синтаксически полноценные члены предложения, при этом семантика обеих конструкций объясняется через синонимичную конструкцию *в сущности говоря* [16].

В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка (НОССРЯ) *по сути* и *по существу*

даются в словарной статье **ФАКТИЧЕСКИ 2, ПО СУЩЕСТВУ, ПО СУТИ, ПРАКТИЧЕСКИ 2**: «Говорящий указывает, что рассматриваемое положение дел обладает столь многими или столь важными признаками ситуации Р, что можно называть его именем ситуации Р и относиться к нему как к ситуации Р». В преамбуле сказано следующее: «Данные синонимы относятся к классу слов с метаязыковым значением, отражающих мнение говорящего о возможности использовать какое-то имя для называния рассматриваемой ситуации. Слова этого класса указывают на то, что данная ситуация обозначена не своим собственным именем, а именем другой ситуации, которая, по мнению говорящего, очень похожа на нее» [17, с. 1228].

Таким образом, в современной лексикографии наблюдается тенденция описывать эти конструкции как синонимичные. Также часто указываются их варианты – *по сути дела* и *говоря по существу*, а для их употребления в качестве вводных конструкций единственным вариантом считается их использование в качестве маркера достоверности информации.

Обратимся к данным НКРЯ и ГИКРЯ. На востребованность конструкции *по сути* указывает тот факт, что рост частотности ее употребления в устной речи начался в 1990-е гг., а за последние два десятилетия относительная частота возросла более чем вдвое (с 45 до 94 вхождений на 1 млн словоформ). Частота употребления маркера *по существу* в последние четыре десятилетия в устной речи остается стабильно низкой – около 20 вхождений на 1 млн словоупотреблений.

Конкордансы для обеих конструкций позволяют видеть, что прагматизация конструкций *по сути* и *по существу* еще не завершена. Как правило, полнозначные употребления описывают ситуацию речевой деятельности:

Давайте по сути [НКРЯ].

Вот то немногое, что я могу сказать по сути [ГИКРЯ].

Отвечайте по существу / пожалуйста! [НКРЯ]

Он очень кратко и по существу излагал то/ что он считал принципиально важным [НКРЯ].

В таких контекстах используются или подразумеваются глаголы речевой деятельности, а конструкции *по сути* и *по существу* являются взаимозаменяемыми.

Еще один тип контекстов, где данные конструкции используются как полнозначные – в значении «по своим основным свойствам»:

Слово и дело не должны отличаться по сути... [ГИКРЯ]

Так вот, мне кажется, что есть страхи маленькие и по сути нестрашные. То есть их и страхами называть незачем... [ГИКРЯ]

¹ В примерах из НКРЯ и ГИКРЯ сохранены авторские орфография и пунктуация.

По сути я – это я, но внутри меня сидит кто-то другой... [ГИКРЯ]

По сути устройство представляет собой вариацию на тему «умных» очков [ГИКРЯ].

Далее посмотрим, в каких ситуациях конструкции *по сути* и *по существу* используются как дискурсивные маркеры и какие дополнительные значения они вносят в высказывание.

Ситуация 1. Категоризация объекта (*X* есть *Y* / *X* представляет собой *Y*). В таких контекстах говорящий дает определение некоторого объекта или явления:

Вирджиния провела мне мастер-класс, научила готовить чилийское блюдо estofado de carne. По сути тушеное мясо, только все тушится в большой кастрюле одновременно! [ГИКРЯ]

В этом смысле по сути hate speech/это вариант дискриминации/ дискриминировать можно любого миноритария/ любую группу/ которую мы называем меньшинством/ любого... любого того самого «другого»/ да/ о котором говорил Вебер [НКРЯ].

И происходит это за счёт того/ что спутники оказывают своё гравитационное/ мы говорим/ приливное воздействие на структуру колец/ состоящих главным образом из частиц/ то есть по существу/ это мелкие спутники вокруг планеты [НКРЯ].

И физика современная является по существу физикой вакуума [НКРЯ].

Такие контексты можно считать переходными от полнозначного употребления конструкций *по сути* и *по существу* к дискурсивному: с одной стороны, они сохраняют свою исходную семантику (указание на существование объекта или на его основные свойства). С другой стороны, конструкции употребляются в высказываниях как синтаксически независимые и при необходимости могут быть удалены из высказывания, не влияя на его информативность.

Ситуация 2. Объяснение через перефразирование или описание явления или объекта с указанием на их наиболее важные свойства:

Ну/ а считаете ли Вы/ что с изменением общества и со стремительным ростом технологических решений/ с изменением в принципе социума/ новой реальностью возможен переход от научно-технической революции к революции социальной скорее/ при которой учёные позиции будут занимать/ ну/ по существу учёные/ то есть люди/ которые имеют достаточный уровень знаний/ интеллекта просто для того/ чтобы справиться с этими машинами? [НКРЯ]

То есть призыв к упразднению дворянства, по сути дела, означал призыв к уничтожению чужаков [ГИКРЯ].

Задуматься да – Международный Женский День. Вроде придумали красивый праздник. По сути – день,

когда мужжики прут в большинстве своём, прости Господи, мимозы [ГИКРЯ].

Мы редко задумываемся над тем, что для нас – информация... По сути, это постоянное движение вперед, изучение чего-то нового... [ГИКРЯ]

Такое употребление согласуется с исходной семантикой обеих конструкций, однако также в этих контекстах реализуется металингвистический компонент: с помощью конструкций *по сути* и *по существу* говорящие комментируют выбранный способ объяснения, который может отличаться от традиционного понимания (например, своей образностью). Важно, что говорящие/пишущие выделяют те свойства описываемых объектов, которые кажутся им наиболее существенными.

Употребление конструкций *по сути* и *по существу* в описанных выше ситуациях можно также назвать семиотическим, поскольку и процесс категоризации объекта, и процесс описания его основных функций или характеристик связаны с означиванием, т. е. с процессом выбора знаков для называния или описания объектов или явлений.

Ситуация 3. Маркирование наиболее оптимального способа номинации. Это еще одна ситуация использования конструкции *по сути* в качестве маркера категоризации объекта или явления, однако выбор способа называния в определенной степени является условным. Заметим, что именно такое употребление описано в НОССРЯ:

К тому же, господин Кирюшин по сути «кинул» Marshall, по-русски если: то есть договорились, он их привлек, они сделали работу, они убедили акционеров [НКРЯ].

Здесь предлагаются модели реализации этого по сути дела путча/ или венгерская/ или польская [НКРЯ].

Эта/ по сути дела/ трансляция плохо понятого этого принципа в жизнь означала бы/ что любой человек/ работающий в правительстве РФ и оказавшийся под следствием/ а такие люди бывают/ автоматически транслирует все/ что произошло/ на главу правительства/ что нелепо [НКРЯ].

В России все машины, по сути внедорожники! [ГИКРЯ]

В таких контекстах *по сути* указывает на то, что выбранный способ номинации является для данной ситуации оптимальным, поскольку отражает некоторое свойство описываемого объекта или действия, которое говорящий считает основным, наиболее важным. В высказывании конструкция *по сути* занимает место непосредственно перед именем, часто «вклиниваясь» между единицами именной группы. Интересно, что конструкция *по существу* встречается в этом типе контекстов гораздо реже, и сферой ее

действия является пропозиция, а не собственно выбранный способ номинации объекта:

Парламент как будто бы избирается формально так же/ как в других странах/ а по существу это разыгранная партия [НКРЯ].

Я не очень люблю ярлык «принятие», который использует здесь Хаукинс, но по существу это означает, что ты начинаешь принимать (брать на себя) ответственность [ГИКРЯ].

Такое различие в употреблении указывает на определенные отличия в семантике двух конструкций: *по существу* указывает на существование некоторого объекта или явления, которое может быть отнесено к определенному классу объектов или явлений, а *по сути* указывает на наиболее важные свойства того, о чем идет речь.

Ситуация 4. Использование конструкций *по сути* и *по существу* в устной речи в качестве хезитативов:

Щас вот по сути го.../ говоря это самое/ Курильская гряда вообще наша/ вплоть до понимаешь до Японских островов/ шо вот они просят это четыре острова.../ [НКРЯ]

И по сути дела коллективное бессознательное/ то есть общая психика людей/ вот как ни крути/ всё равно на п... на-на-на... психику мы выходим/ на вопросы психологические [НКРЯ].

В этих [с ударением] замечках/ по существу [пауза] был представлен/ естественно/ это были заметки/ статейного характера/ а не словарного/ но по существу был представлен тот новый этимологический словарь/ который/ в конце концов был одобрен/ на кафедре/ [НКРЯ]

Данные контексты, помимо конструкций *по сути* и *по существу*, содержат и другие показатели того, что говорящий осуществляет выбор языковых средств, чтобы высказывание максимально соответствовало реальному положению дел.

Какие позиции в высказывании могут занимать конструкции *по сути* и *по существу*? Наиболее характерными позициями в высказывании для обоих маркеров является начальная и «разрывная», когда маркер «вклинивается» в синтаксическую группу, разделяя ее (это так называемая «вакернагелевская» позиция, характерная и для других дискурсивных средств, более подробно об этом см. [18; 19]).

В начальной позиции сферой действия конструкций является все высказывание:

По существу/ начало зарождения Вселенной/ которое мы ассоциируем с так называемым Большим взрывом или биг бэнгом [НКРЯ].

По сути/ эта новая редакция УПК очень неудачна технически [НКРЯ].

По сути, все мы хотим лишь одного – быть кому-то нужными [ГИКРЯ].

В «разрывной» позиции сферой действий конструкций *по сути* и *по существу* является элемент высказывания, непосредственно следующий за ними:

Сначала этот проект был национальным/ но лет 6–7 тому назад он стал/ по существу/ международным [НКРЯ].

Мда, что и говорить, придется воспитывать команду с нуля, по сути, из случайных людей [ГИКРЯ].

Также в конкордансах встретились случаи, когда сферой действия конструкции являются предшествующие элементы высказывания:

Это четыре/ по существу/ произведения. Куликовская битва была очень популярна в Древней Руси как тема литературных произведений [НКРЯ].

Начальная позиция в высказывании связана с выражением эпистемической оценки, а «разрывная» позиция – это сдвиг к метакоммуникативному употреблению, поскольку в таких контекстах *по сути* и *по существу* акцентируют внимание адресата на том способе номинации объекта или явления, который в данной ситуации выбрал говорящий.

Выводы

Подведем некоторые итоги. Анализ употребления конструкций *по сути* и *по существу* в устной речи и компьютерно-опосредованной коммуникации позволяет говорить о том, что словарные описания этих конструкций не охватывают всех их дискурсивных функций.

Исходная семантика определяет возможность использования конструкций *по сути* и *по существу* в качестве дискурсивных маркеров в высказываниях-дефинициях для категоризации объектов или явлений, введения в высказывание объяснения через перефразирование или маркирования оптимального способа номинации объекта или явления. Наконец, в устной речи использование маркера *по сути* может не быть связано с указанием на достоверность сообщаемой информации. Конструкция *по сути* может использоваться как хезитатив, когда говорящий заполняет паузу, обдумывая продолжение высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 205 с.
2. Исаченко О. М. Дискурсивные маркеры реальности: семантика достоверности // Вестник НГУ. Сер.: история, филология. 2012. Т. 11, вып. 2: Филология. С. 25–33.
3. Шилихина К. М. Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 120–125.

4. Дискурсивные слова русского языка : контекстное варьирование и семантическое описание / сост. К. Киселева, Д. Пайар. М. : Азбуковник, 2003. 207 с.
5. Heine B. On discourse markers : Grammaticalization, pragmaticalization, or something else? // *Linguistics*. 2013. No. 51 (6). Pp. 1205–1247.
6. Национальный корпус русского языка. Устный подкорпус. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-spoken.html>
7. Генеральный интернет-корпус русского языка. URL: <http://www.webcorpora.ru/>
8. Панченко Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория. Волгоград : Перемена, 2010. 322 с.
9. Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1985. 180 с.
10. Беляева Е. И. Достоверность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград : Наука, 1990. С. 157–170.
11. Traugott E. C., Dasher R. B. *Regularity in Semantic Change*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 363 p.
12. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М. : Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.
13. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.
14. Смирнова В. В. Формирование дискурсивных маркеров проблемной достоверности с исходной семантикой зрительного восприятия : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2018. 284 с.
15. Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. 2000. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>
16. Словарь-справочник по пунктуации / В. В. Свинцов, В. М. Пахомов, И. В. Филатова // Справ.-информ. интернет-портал ГРАМОТА.РУ. 2010. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/punctum/>
17. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. М. ; Вена : Языки славянской культуры ; Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.
18. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М. : Языки славянской культуры, 2001. 384 с.
19. Аркадьев П. М. О семантике русских конструкций *чего доброго* и *того и гляди* // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2007. № 4. С. 11–17.
20. Shilikhina K. M. Izuchenie diskursivnykh markerov metodami korpusnoj lingvistiki [Corpus methods in discourse markers research]. In: *Vestnik Voronežskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mežkul'turnaja komunikacija*. 2015. No. 3. Pp. 120–125.
21. *Diskursivnye slova russkogo jazyka: kontekstnoe var'irovanie i semantičeskoe opisanie* [Discourse words of the Russian language: context variation and semantic description]. Sost. K. Kiseleva, D. Pajar. Moscow: Azbukovnik, 2003. 207 p.
22. Heine B. On discourse markers: Grammaticalization, pragmaticalization, or something else? In: *Linguistics*. 2013. No. 51 (6). Pp. 1205–1247.
23. The Russian National Corpus. Spoken Subcorpus. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/search-spoken.html>
24. The General Internet Corpus of Russian. Available at: <http://www.webcorpora.ru/>
25. Panchenko N. N. *Dostovernost' kak kommunikativnaya kategoriya* [Veracity as a communicative category]. Volgograd: Peremena, 2010. 322 p.
26. Belyaeva E. I. *Funktsional'no-semantičeskije polya modal'nosti v anglijskom i russkom jazykakh* [Functional semantic fields of modality in the English and Russian languages]. Voronezh: Izd-vo VGU, 1985. 180 p.
27. Belyaeva E. I. *Dostovernost'* [Epistemic modality]. In: *Teoriya funktsional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'*. Leningrad: Nauka, 1990. Pp. 157–170.
28. Traugott E. C., Dasher R. B. *Regularity in Semantic Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 363 p.
29. Plungyan V. A. *Vvedenie v grammatičeskuyu semantiku. Grammatičeskije znachenija i grammatičeskije sistemy jazykov mira* [Introduction into grammatical semantics. Grammatical meaning and grammar systems of the languages of the world]. Moscow: Izd-vo RGGU, 2011. 672 p.
30. Arutyunova N. D. *Tipy jazykovykh znachenij: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka, 1988. 341 p.
31. Smirnova V. V. *Formirovanie diskursivnykh markerov problemnoj dostovernosti s iskhodnoj semantikoju zritel'nogo vospriyatiya*. Diss. ... kand. filol. Nauk [Formation of discourse markers of problematic veracity with the initial semantics of visual perception. Candidate of Philology dissertation]. Voronezh: Voronezh State University, 2018. 284 p.
32. *Sovremennij tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of the modern Russian language]. Ed. by T. F. Efremova. 2000. Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>

REFERENCES

1. Baranov A. N., Plungian V. A., Rahilina E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo jazyka* [Russian discourse words: a guidebook]. Moscow: Pomovskij i partnery, 1993. 205 p.
2. Isachenko O. M. Diskursivnye markery real'nosti: semantika dostovernosti [Discursive markers of reality: the semantics of veracity]. In: *Vestnik NGU. Serija: is-*

16. *Slovar' -spravochnik po punktuatsii* [Guidebook of Russian punctuation]. V. V. Svintsov, V. M. Pakhomov, I. V. Filatova. GRAMOTA.RU. 2010. Available at: <http://new.gramota.ru/spravka/punctum/>

17. *Novyj obyasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka* [The New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms]. Ed. by Y. D. Apresyan. Moscow; Wien: Yazyki slavyanskoj kul'tury: Venskij slavisticheskij al'manakh, 2004. 1488 p.

Воронежский государственный университет

Шилихина К. М., доктор филологических наук, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: shilikhina@rgph.vsu.ru

Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

Смирнова В. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

E-mail: v.v.smirnova85@yandex.ru

Поступила в редакцию 12 января 2023 г.

Принята к публикации 27 марта 2023 г.

Для цитирования:

Шилихина К. М., Смирнова В. В. Дискурсивные функции конструкций по сути и по существу в устной речи и компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 32–39. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/32-39>

18. Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoj rechi* [Communicative strategies of the spoken Russian]. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001. 384 p.

19. Arkadiev P. M. O semantike russkikh konstruktivnyh *chego dobrogo i togo i glyadi* [On the semantics of Russian constructions *chego dobrogo* and *togo i glyadi*]. In: *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2. Informatsionnye protsessy i sistemy*. 2007. No. 4. Pp. 11–17.

Voronezh State University

Shilikhina K. M., Doctor of Philology, Head of the Theoretical and Applied Linguistics Department

E-mail: shilikhina@rgph.vsu.ru

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Smirnova V. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Foreign Languages Department

E-mail: v.v.smirnova85@yandex.ru

Received: 12 January 2023

Accepted: 27 March 2023

For citation:

*Shilikhina K. M., Smirnova V. V. Discursive functions of the Russian constructions *po suti* and *po sushchestvu* in spoken and computer-mediated discourse. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023. No. 2. Pp. 32–39. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/32-39>*